

*А.Л. Верченко**

Кадровый резерв Китайской Народной Республики — «группа 4821»

АННОТАЦИЯ: Освещается история группы молодых людей, отобранных Северо-Восточным Бюро ЦК КПК и направленных в 1948 г. для учёбы в СССР с целью получения необходимых для восстановления народного хозяйства специальностей: состав группы, учёба в Москве и судьба после возвращения в Китай.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНР, КПК, история, группа 4821, Ли Пэн, Е Чжэнда, Ли Фучунь.

После освобождения Дунбэя и разработки программы экономического строительства в регионе встал вопрос о подготовке национальных инженерно-технических кадров, которые могли бы занять ключевые должности в народном хозяйстве. Северо-Восточное Бюро ЦК КПК отобрало группу из 21 человека для учёбы в СССР. В условиях отсутствия официальных отношений с КПК группу было решено отправить по линии Советского Красного Креста.

Работа по подбору кандидатов началась в 1947 г. Требования были очень высокими и достаточно специфическими: помимо определённого образовательного уровня учитывалось происхождение — молодые люди должны были быть детьми погибших революционеров уровня не ниже командира корпуса (армии) или высших руководителей КПК, т.е. политически грамотными и надёжными. Пожалуй, морально-политические качества были важнее, ведь речь шла о будущей элите страны.

Большую роль в подборе кандидатов на учёбу в СССР сыграли Ли Фучунь и Не Жунчжэнь, сами прошедшие обучение в Университете им. Сунь Ятсена. В августе 1948 г. группа была окончательно

* Верченко Алла Леонидовна, с.н.с., ИДВ РАН, E-mail: veailan@yahoo.com

сформирована и получила название «4821» по году (1948) и количественному составу (21 человек). В группе среди молодёжи в возрасте от 16 до 24 лет было 4 девушки, 19 человек состояли в КПК (кроме Гао И и Ло Чжэньтао), трое из которых имели опыт низовой партийной работы. Список группы утверждался ЦК КПК. Северо-Восточное бюро ЦК КПК, получив одобрение кандидатур, сразу проинформировало молодых людей о том, что можно готовиться к отъезду. В Харбине все прошли краткосрочные курсы русского языка.

Список «группы 4821»[1]: 1. Гао И — сын Гао Гана. 2. Цзян Мин — племянник Гао Гана. 3. Хэ И — сын Хэ Цзиньняня. 4. Чжу Чжунхун — приёмный сын Ван Цзясяна. 5. Линь Ханьсюн — сын Чжан Хао, племянник Линь Бяо. 6. Е Чжэнда — сын Е Тина. 7. Е Чжэнмин — сын Е Тина. 8. Жэнь Сян — сын Жэнь Цзюмина, племянник Жэнь Биши. 9. Ли Пэн — сын Ли Шосюня. 10. Ло Сибэй — сын Ло Инуна. 11. Лю Хушэн — сын Лю Боцзяня. 12. Се Шаомин — сын Се Цычжана. 13. Сяо Юндин — сын Сяо Цзиньгуана. 14. Цзоу Цзяхуа — сын Цзоу Таофэня. 15. Цуй Цзюнь — сын Цуй Тяньфу. 16. Чжан Дайся — племянник Чжан Цзунсюня. 17. Ян Тинфань — сын Ян Ци. 18. Е Чумэй — дочь Е Цзяньина. 19. Сян Суюнь — дочь Сян Ина. 20. Ло Чжэньтао — дочь Ло Бинхуэя. 21. Жэнь Юэ — дочь Жэнь Миндина.

Абсолютное большинство будущих студентов составляли дети павших героев. Уместно упомянуть, что семь отцов вошли в составленный по опросам общественного мнения в 2009 г. к 60-летию КНР список 100 героев, которые внесли самый большой вклад в создание нового Китая: Ло Инун, Ло Бинхуэй, Е Тин, Лю Боцзянь, Се Цычжан, Ли Шосюнь, Цзоу Таофэнь. У многих отцы в своё время учились в СССР: Сяо Цзиньгуан, Е Цзяньин, Ван Цзясян [2, с. 11–12]; Чжан Хао [3, с. 6]; Лю Боцзянь, Ло Инун, Жэнь Цзюминь [4], и дети продолжили семейную традицию. Члены группы имели полученное в Китае среднее образование, некоторые учились в вузах, однако в СССР оказалось, что их уровень был не так высок, как того требовали советские преподаватели, не говоря о плачевном состоянии русского языка.

Руководство КПК на Северо-Востоке имело чёткие представления о том, какие специальности должны изучать будущие студенты — главным образом в сфере экономики и промышленности. Как раз в это время были разработаны «Тезисы о структуре экономики Северо-Востока и основном курсе в экономическом строительстве», в которых была чётко сформулирована программа создания и управления государственным сектором как основой новой демократической экономики [5, с. 613–615]. Для осуществления поставленных целей

нужны были ИТР разных специальностей. Партия не рекомендовала направлявшимся в СССР молодым людям заниматься политическими дисциплинами на том основании, что кадровые работники советского типа не подходили для работы в условиях Китая, т.к. нередко страдали догматизмом. Это была распространённая в партии точка зрения, и Ли Пэн, например, будучи хорошо знаком с ней, работая на посту секретаря заводской парторганизации, осознавал, что из-за пребывания в СССР он может оказаться под огнём критики по поводу отрыва от китайской действительности и влияния догматизма. Он боялся, что учёба в СССР может негативно сказаться на его будущей работе и колебался, стоит ли ему ехать. Принять положительное решение убедила его мать, аргументируя тем, что он будет полезен стране, когда понадобится восстанавливать народное хозяйство, а учёбу следует воспринимать как выполнение решений партии [6].

Накануне отъезда молодые люди встретились с руководителями Дунбэя: Линь Бяо, Гао Ганом, Чэнь Юнем и Ли Фучунем. Секретарь Бюро ЦК КПК Линь Бяо и его заместитель Гао Ган выступили с напутствиями. Они говорили, что партия направляет молодых людей в Москву изучать науку и технику, вопросы экономического строительства. Молодым людям рекомендовали учиться серьёзно и не влюбляться. Перед группой ставилась задача овладеть самыми нужными для страны профессиями, чтобы по возвращении домой активно участвовать в восстановлении народного хозяйства. За год до окончания гражданской войны руководство КПК было уверено в окончательной победе и уже тогда задумалось о подготовке кадров для строительства нового Китая.

Многие молодые люди прошли Яньань, где партия после основания там советского района открыла интернат для детей погибших героев. В течение многих лет коммунисты разыскивали пропавших детей по разным районам Китая и собирали их в Яньани. Так там оказались Жэнь Сян, Жэнь Юэ, Линь Ханьсюн, Сян Суюнь, Сяо Юндин. Очень долго разыскивали дочь Ло Бинхуэя, Ло Чжэньтао, но наконец и её привезли в Яньань. Особое внимание сиротам в Яньани оказывали Ли Фучунь и его жена Цай Чан. Позже Ли Фучунь, сам учившийся в Москве, даст рекомендации многим яньаньцам на учёбу в СССР. Некоторые воспитанники Яньаньского интерната были назначены на низовые партийные должности на подконтрольных КПК территориях. Из этой категории в Москву ехали Се Шаоми и Цзоу Цзяхуа. В отличие от многих других Цзоу Цзяхуа не воспитывался в Яньани, а всегда находился с отцом, известным издателем и журналистом-патриотом, погибшим в 1944 г. Юноша сразу же стал бойцом 4 армии, потом поступил в строительный университет, открытый при новой 4 армии.

Старшим по партийному стажу в группе был Се Шаомин (род. в 1924 г.), которого ещё до отъезда из Харбина назначили секретарём партийной ячейки. Отец Се Шаомина — генерал Се Цзычжан был одним из организаторов революционной базы на территории провинций Шэньси и Ганьсу, Красной армии Северной Шэньси и умер от ран в 1935 г. Заслуги Се Цзычжана были так велики, что после образования КНР уезду, в котором он родился, было присвоено его имя. Се Шаомин вступил в КПК в 15 лет, в рядах Красной армии принимал участие во многих боях. Выбор был осознанным: юноша следовал идеалам своей семьи, которая была привержена компартии и идеям революции. 11 человек из рода Се сражались за новую жизнь, 8 из них погибли. В 1940 г. Се Шаомин поступил в Институт естественных наук в Яньани (сейчас это Пекинский политехнический университет). Потом находился на партийной работе. После возвращения в Китай после завершения учёбы Се Шаомин работал заместителем директора Харбинского завода авиационных двигателей, директором Шэньянского электротехнического завода Синьлэ. Активно участвовал в начатом в 1986 г. проекте, направленном на использование достижений науки и техники для борьбы с нищетой на селе, способствовал включению в программу проблемных отдалённых и отсталых районов.

Ло Сибэй — сын Ло Инуна, видного деятеля КПК, одного из руководителей рабочего движения. Мальчик рано потерял родителей и при содействии партии был отправлен в 1941 г. в Ивановский детский дом. Он окончил среднюю школу и поступил в Ивановский электромеханический техникум. В 1946 г. вернулся в Харбин и поступил в Харбинский политехнический институт. О готовящейся поездке в Москву он узнал от сына Гао Гана, которого хорошо знал. СССР интересовал и привлекал Ло Сибэя, ведь его отец учился в этой стране. Юноша прошёл собеседование и был зачислен в группу как её руководитель. Знание русского языка и советского образа жизни позже помогли ему быстрее других освоиться в новых условиях и стать лучшим студентом. Ло Сибэй поступил в МЭИ, закончил его с отличием и по возвращении на родину занимался гидроэнергетикой, имел широкие связи с иностранными учёными.

Лю Хушэн, сын Лю Боцзяня, известного военного деятеля, участника VI съезда КПК, который погиб в 1935 г., приехал в Харбин в 1947 г. Предложение осваивать русский язык Лю Хушэн принял с удовольствием, т.к. знал об СССР от отца, учившегося в Университете трудящихся Востока, а позже — в военной академии в Москве. Лю Хушэн после окончания Бауманского училища работал в Шэньси, Шаньси, Пекине, в Комитете по машиностроению и др., был ди-

ректором завода, начальником управления, председателем совета директоров компании «Хуалянь». В 1956 г. ему было присвоено звание отличника труда, он награждён многими медалями, внёс большой вклад в развитие военной промышленности Китая.

Хэ И, Цуй Цзюань и Чжан Дайся учились в Промышленном училище в Чжанцзякоу. Вскоре училище перевели в Харбин, и юноши переехали вместе с ним. Там они познакомились с Ли Фучунем, который дал им рекомендацию на учёбу в СССР. Ли Пэн и Цзо Цзяхуа приехали в Харбин в середине августа 1948 г.

Е Чумэй оказалась в Харбине по воле отца, который отправил её из Яньани в Демократическую объединённую армию в качестве бойца. Е Цзяньин в 1920-е гг. учился в Москве. Его знание русского языка — вместе с Лю Бочэном перевёл «Боевой устав пехоты Красной армии» и «Положение о политической работе» — не передалось Е Чумэй, которая практически не знала отца. Попав в группу, девушка начала учить русский с азов.

Ли Пэн — сын Ли Шосюня, казнённого гоминьдановцами в 1931 г., был единственным человеком, у кого был трудовой стаж (он работал на Харбинском маслобойном заводе) и опыт партийной работы.

Лю Хушэн, приехал в Харбин в 1947 г. Он через отца был знаком с Ли Фучунем, который занимался отбором кандидатов на учёбу в СССР и так попал в группу. Ли Фучунь и Лю Боцзянь встречались в Европе, когда учились по программе «работать и учиться» и организовывали деятельность молодых китайских коммунистов.

Кроме детей погибших героев в группе были дети здравствовавших партийных и военных деятелей. Дети членов Северо-Восточного бюро ЦК КПК: сын Гао Гана, Гао И, приёмный сын Ван Цзясяна, Чжоу Чжунхун, племянники Гао Гана, Цзян Мин, и Линь Бяо, Линь Ханьсюн; последний был в первую очередь сыном Чжан Хао (Линь Юйина) — старейшего революционера, одного из первых рабочих, вступивших в члены КПК, позже руководителя китайских профсоюзов, представителя КПК в Коминтерне и ВФП в Профинтерне [2, с. 8], и Хэ И, сын полковника Хэ Цзиньняня, принимавшего участие в главных военных операциях по освобождению Дунбэя от гоминьдановской армии.

В конце августа 1948 г. группа была сформирована, формальности по пересечению границы решены через Генеральное консульство СССР в Харбине.

2 сентября молодые люди сели в Харбине в поезд и через станцию Отпор приехали в Читу, где пересели на проезд Владивосток–Москва. Прямого сообщения Харбин–Москва тогда не было, его от-

крыли уже после образования КНР. 21 сентября 1948 г. группа добралась до Москвы. За встречу отвечал Тимофей Захарович Матвеев, директор Ивановского интернационального детского дома, переданного в 1948 г. в ведение Красного Креста. Его сопровождала учительница китайского языка детдома Чжан Мэй, бывшая жена Линь Бяо, которая в 1942 г. осталась в Москве после развода. Пришли также студенты-соотечественники: Чэнь Цзухао, который потом будет с советскими специалистами строить Чанчуньский автозавод, Лю Юньбинь, сын Лю Шаоци, и Чжан Чжимин, сын Чжан Тайлэя. Они приехали в СССР детьми, получили советское гражданство и учились в вузах на равных с советскими студентами основаниях.

Группу отправили в Иваново. Недели через две Се Шаомин как руководитель начал волноваться — ЦК партии направил их на учёбу, но об этом никто разговор не заводил. Он связался с Чэнь Цзутао, которого знал по интернату в Яньани, и попросил помощи в прояснении ситуации. По воспоминаниям китайцев, Чэнь Цзутао сыграл положительную роль в решении проблемы. По переданному им в ЦК ВКП(б) письму в Иваново приехал специальный представитель. Он разъяснил, что главная проблема состоит в том, что молодые люди имели харбинские паспорта, с которыми они не могли открыто поступить на учёбу, так как СССР не имел официальных отношений с правительством Северо-Востока, а поддерживал дипломатические отношения с правительством Китайской Республики. Мечты китайцев учиться в Москве, в столице первого в мире социалистического государства, в лучших вузах могли не осуществиться.

Молодым людям предложили учиться в Иваново, где было несколько высших учебных заведений, но не по тем специальностям, на овладение которыми они рассчитывали. Кроме того, разочарование вызвал сам факт невозможности учиться в столице, о которой все много слышали и куда стремились. Девушки решили пойти в медицинский институт, Ли Пэн, Цзоу Цзяхуа и Линь Ханьсюн — в электротехнический, остальные выбрали текстильный и химический. Однако первые дни занятий показали, что полученные в Китае знания не соответствовали уровню выпускников советской средней школы, они не могли учиться в вузах, сначала нужно было дополнительно заниматься по предметам. Знания русского языка оказались недостаточными даже для бытового общения, не говоря о лекциях. Практически всем пришлось заниматься на курсах русского языка. Занятия в группах занимали много времени и требовали значительных усилий. Се Шаомин вспоминал позже, что молодые люди на первых порах ничего не понимали, что говорили преподаватели. Привезённые из Китая «Японо-русские словари» (других не было) помогали

мало — не все знали японский язык. Хорошо ещё, что в японском языке были китайские иероглифы, с помощью которых можно было уловить хотя бы общий смысл. На помощь пришли советские студенты, которые предложили заниматься по предметам вдвоём с одним китайским студентом. Трудолюбие и упорство сделали своё дело, через два года знания русского языка стали настолько крепкими, что позволили китайским студентам понимать мельчайшие нюансы читаемых курсов и вывели их в отличники [7].

В Иваново китайские молодые люди познакомились с советской послевоенной жизнью. Вероятно, они представляли себе СССР как некий абсолютно благополучный идеал и не сразу привыкли к отключению электричества, отоплению дровами, нехватке продуктов питания, холодному климату (в Иваново им выдали только пальто, а из Харбина они не привезли никакой тёплой одежды). Совершенно непривычной была еда. Несмотря на серьёзные бытовые сложности, китайцы целеустремлённо овладевали знаниями [7].

В 1949 г. молодые люди заполнили анкеты, в которых высказали пожелания по поводу вузов, в которых они хотели бы учиться в Москве. Если сначала большая часть группы хотела учиться в МГУ, поскольку про этот университет в Китае знали больше всего и рассматривали его как флагман высшего образования, то по прошествии некоторого времени молодые люди лучше узнали обстановку в системе высшего образования в СССР и уже более осознанно сделали свой выбор. Дети Е Тина, который погиб в авиакатастрофе, с самого начала твёрдо знали, что свяжут свою жизнь с авиастроением и пошли в МАИ. О необходимости изучать профессии, требуемые для восстановления страны, напомнил молодым людям Не Жунчжэнь, который встречался с ними во время своего лечения в СССР. Почти 1/3 группы (Ло Сибэй, Ли Пэн, Цуй Цзюнь, Хэ И, Линь Ханьсюн, Сяо Юндин, Гао И) подали документы в Московский энергетический институт, осознавая важность подъёма и дальнейшего развития этой важной для народного хозяйства отрасли. Вполне вероятно, что на выбор повлияло мнение старшего по возрасту Ло Сибэя, который любил повторять ленинские слова «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно», а также то, что МЭИ принимал участие в разработке плана электрификации СССР. Аналогичная задача стояла перед Китаем, и осуществление её ложилось на плечи получивших образование в СССР специалистов. Ян Тинфань и Ло Чжэньтао выбрали финансово-экономический институт, Сян Суюнь — текстильный, Е Чумэй — МГУ, Жэнь Юэ — строительный, Жэнь Сян — геологический, Цзоу Цзяхуа, Лю Чжэньтао и Чжан Дайся — фа-

культет машиностроения Бауманского высшего технического училища, Цзян Мин — сельскохозяйственную академию, Е Чжэнда, Е Чжэнмин, Се Шаомина и Чжу Чжунхун — МАИ. В феврале 1950 г. на приёме в китайском Посольстве студенты познакомились с Мао Цзэдуном. Е Чжэнда на приёме по случаю китайского нового года в китайском посольстве в Москве в феврале 1950 г. познакомился с Мао Цзэдуном, который напутствовал студентов: следует упорно овладевать знаниями, чтобы заниматься строительством государства; не пытаться угнаться за советскими студентами в повседневной жизни, поскольку Китай пока ещё очень бедный; следить за здоровьем, потому что со слабым здоровьем невозможно будет претворить в жизнь в Китае полученные ими знания. В блокноте Е Чжэнда он написал: «Построить сильную авиационную промышленность в Китае». Ли Пэн Мао Цзэдун написал: «Служить народу». Ли Пэн быстро выделился среди других студентов. В Москве его избрали секретарём студенческой партячейки. В 1951 г., когда на учёбу приехали 375 китайцев, его избрали председателем образованного в Москве Союза китайских студентов. В 1954 г., ещё до окончания учёбы, он вместе с другими китайскими студентами сопровождал прибывшую в Москву китайскую делегацию во главе с министром электропромышленности Лю Ланьбо. Ли Пэн хорошо зарекомендовал себя, показав прекрасные профессиональные и языковые знания, что помогло ему в дальнейшем — он был замечен министром. В 1955 г. Ли Пэн, окончив МЭИ с красным дипломом, вернулся на родину и был назначен на работу на крупнейшую в то время Фэнманьскую ГЭС, где работал вместе с советскими специалистами. Ли Пэн занимал самые высокие из всей «группы 4821» посты, поднявшись до уровня премьера Госсовета.

Первым учёбу закончил Ло Сибэй. В декабре следующего года дипломы получили все, кроме Се Шаомина, Жэнь Сяна и Е Чумэй, которые отстали из-за серьёзных болезней.

Все члены группы после возвращения в Китай занимали ответственные должности в тех отраслях народного хозяйства, по которым получили образование. Е Чжэнда, Е Чжэнмин и Се Шаомина работали на авиазаводе в Шэньяне, супруги Цзоу Цзяхуа и Е Чумэй — на втором станкостроительном заводе в Шэньяне, Хэ И и Цуй Цзюнь отказались от работы в НИИ и уехали на практическую работу в глубинку. Ло Сибэй работал в Пекинском НИИ гидроэнергетики.

Преданные делу социализма и своей профессии, нашедшие применение своим знаниям в разных отраслях народного хозяйства, искренне отдававшие все силы строительству нового Китая, эти люди не предполагали, что учёба в СССР может быть поставлена им в

вину [8]. Именно так произошло в годы «культурной революции», когда все бывшие советские студенты в той или иной степени подверглись критике и нападкам. Работники гидроэнергетики, где влияние «культурной революции» было часто сильнее, чем в других областях, Ло Сибэй и Цуй Цзюнь особенно чувствительно испытали на себе все последствия кампаний «критики и борьбы», пережив моральные унижения и физические страдания. Все члены группы были признаны «шпионами советского ревизионизма», Ло Сибэя объявили «самым законспирированным классовым врагом». Чжу Чжунхун подорвал психическое здоровье, потерял память, однажды ушёл из дома и не вернулся. Цуй Цзюнь через много лет после событий отмечал, что в русле ухудшения китайско-советских отношений некоторые лица намеренно подрывали авторитет людей, которые были связаны с СССР. Он утверждал, что травля бывших советских студентов была организована Кан Шэном и проведена через решения ЦК. Он также считал, что обвинения против «группы 4821» должны были отразиться на положении ряда отдельных руководителей, например Чжоу Эньлая и Е Цзяньина [9].

После 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва в июне 1980 г. Ху Яобан по просьбе Ли Пэна направил в орготдел ЦК КПК письмо с указанием разобраться в деле «группы 4821», к которому через полгода прибавилось указание рассмотреть возможность возвращения членов группы на подобающие должности [9]. В 1982 г. все члены группы были реабилитированы, обвинения в шпионаже признаны «полностью ошибочными», а причинённые им моральные и физические страдания вместе с нанесённым государству ущербом — невосполнимыми [9]. Членов «группы 4821» назначили на соответствующие их уровню должности: министра — 1 человек, замминистра или уровня замминистра — 3 человека, начальника управления — 7 чел., начальников отделов — 3 чел., инженера — 2 чел., кадрового работника — 1 чел. Два человека попали в резерв на должности замминистра и начальника управления. Таким образом, партия показала этим людям, что они нужны стране.

Литература

1. Ван Фань 王凡. Дун Пин 东平. Чжунгун линдао жэнь цзы-ной люсюэ цзю ши 中共领导人子女留学旧事 (Обучение за границей детей руководителей КПК: дела минувших дней) // Цзинань жибао. 28.05.2008.
2. Спичак Д. Китайский авангард Кремля. М., 2012.
3. [Чжан Хао]. Чжан Хао цзиняньцзи 张浩纪念集 (Воспоминания Чжан Хао). Шанхай, 1986.
4. Дунфан лаодунчжэ гунчаньчжуи дасюэ 东方劳动者共产主义大学 (Коммунистический университет трудящихся Востока) // URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki>

5. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 т. Т. VII. Китайская Республика (1912–1949). М., 2013.
6. Ли Пэн цзяцзу 李鹏家族 (Род Ли Пэна). Пекин, 2014.
7. URL: <http://dangshi.people.com.cn/GB/144956/11586335.html>
8. 4821 ань: Ли Пэн дэн жэнь бэй дачэн тэу. 4821 案: 李鹏等人被打成特務 (Дело 4821: Ли Пэн и другие стали шпионами) // URL: www.aboluowang.com
9. Хань Лэй 韩磊. Ху Яобан циньби пиши вэй «4821 сусю тэу ань» пинфань 胡耀邦亲笔批示为“4821 苏修特务案”平反 (Ху Яобан собственноручно подписал указание о пересмотре «Дела шпионов советского ревизионизма из группы 4821») // URL: <http://www.hybsl.cn/zt/renminbuhui/huainian/2013-04-08/35911.htm>

*A.L. Verchenko**

Personnel reserve of the People's Republic of China — “group 4821”

ABSTRACT: The paper covers the history of a group of young people who were sent by the Northeast Bureau of the CPC Central Committee in 1948 to the USSR to get higher education to help restoring the country's economy in future, their study in Moscow and their fate upon return to China.

KEYWORDS: PRC, CCP, group 4821, Li Peng, Ye Zhengda, Li Fuchun.

* Verchenko Alla Leonidovna, senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia; E-mail: veailan@yahoo.com